

*Инне Веремеенко, чье изящество и женская
хрупкость таят подлинную мудрость*

Глава первая

Князи — в грязи

На завистливый вопрос подруг: «Откуда берутся такие мужики?» — я честно отвечала: — Они валяются на улице.

Своего мужа я действительно нашла на тротуаре. Вернее — на грязной тропинке. В прошлом столетии, десять лет назад, холодной осенью девяносто седьмого года.

Возвращалась поздно вечером. Дождь, слякоть, темнота. Узкая дорожка, по одну сторону глухая стена здания, по другую — ограда детского сада. Противное место, зато путь до дома сокращается на пятнадцать минут. Нео-

жиданное препятствие: на земле сидит мужик. Спиной привалился в дому, ноги вытянул. Конечности у пьянчуги (а кто еще, как не в хлам пьяная зараза?) длиннющие, пятками упирается в забор. Не обойти, а перешагивать боязно. Вдруг очнется, сделает мне подсечку, повалит? Сейчас голова у него на грудь упала, похоже, дрыхнет. Но все равно страшно. Развелось алкоголиков! Ни пройти ни проехать.

Оглянулась назад: возвращаться? Ой, как не хочется. Дождь льет, ноги промокли, зонтик забыла, капюшон куртки не спасает. А почему, собственно, всякой пьяни бояться? Они наклюкаются, спят на дороге, а мы должны обходными путями колесить? Дудки!

— Эй, мужик! — пнула я ногой пьянчугу. — Костыли подбери.

Если он проявит агрессию, успею удрать. Человек, не стоящий на ногах, вряд ли бегаёт лучше меня.

Алкоголик пошевелился, но не ответил.

— Дай дорогу, говорю! — стукнула его носком ботинка посильнее.

— Что? — поднял голову.

Темно, лица не разглядеть. Только видно, что без шапки, голова как лысая, мокрыми волосами облеплена. Вскокивать не собирается.

— Позвольте мне, пожалуйста, пройти, — на всякий случай культурно попросила.

— Перешагивайте, считайте, что я мертвый, — почти внятно проговорил он и снова уронил голову.

Жалость во мне вспыхнула как спички в коробке, одна за другой, по нарастающей. Почему я сразу: пьянчуга, алкоголик? (Первая спичка.) А может, человеку плохо? (Вторая спичка.) Сердце, инфаркт, язва, ангина (Вся коробка занялась)... Нет, ангина — из другой области. При ангине лежат в постели, под теплым одеялом, а не валяются на улице под дождем. Мужчина, кажется, не старый, а больной! Точно — сердце. У нас в классе был мальчишка, верста коломенская, чаще по больницам лежал, чем в школу ходил. Говорили — очень быстро растет, сердце не справляется. Этот тоже немалого роста. Вымахал, а сердце отказывает.

— Вам плохо? — присела я на корточки.

— Очень, — не поднимая головы, ответил.

— Сердце?

Он промычал. Можно расценить как согласие.

— Надо «скорую». Но сюда машина не подойдет, до проезжей части почти километр. Что же делать?

— Идите своей дорогой.

— А вы?

— А я буду умирать.

Спиртным от него, конечно, пахло (при пороке сердца водку глушить!). Но еще отчет-

ливо улавливался запах дорогого лосьона. При близком рассмотрении, хоть и в потемках, я отметила: молодой мужчина, лицо безошибочно указывает на то, что это не алкоголик запущенный, а вполне цивилизный представитель сильного пола. Такого сильного, что на ногах не держится.

— Погодите умирать. У нас медицина передовая. А у вас таблеточки есть? В карманчике? Носите с собой? — Я беззастенчиво шарила по его карманам.

Вывалила содержимое на землю. Связка ключей, пачка сигарет, зажигалка, носовой платок, мелкие монеты — никаких тебе пилюлей. Внутренние карманы. Мужчины самое ценное кладут в те карманы, которых мы не имеем, — на внутренней стороне пиджаков. Расстегиваем ему куртку, ищем, обследуем...

— Девушка, вы меня грабите?

— Ой, дядечка! — В волнении я назвала его «дядечкой», хотя лет больному не намного больше, чем мне. — Вы только подождите бредить, ладно? Черт! Да где же ваши таблетки?

Пухлый бумажник, паспорт, еще какие-то бумаги. Ни намек на лекарства. Телефон соловый. Престижная вещь, которую может себе позволить далеко не каждый. Как по нему звонить, чтобы сообщить родным о приступе?

Нажимаем верхнюю кнопку, загорелся экран, мигнули слова «батарейка разряжена», экран погас. И сколько еще не давила я на кнопки, телефон оставался мертвым. Все у бедолаги разрядилось: и телефон, и сердце.

Продолжаю обыск. Лезу глубже, ведь на рубашке тоже есть карманчик. Может, он на груди хранит пилюли.

— Щекотно, — дернулся умирающий.

— Вам точно плохо? — настороженно спросила я, отстранившись.

— Хуже не бывает, — горько заверил он.

Наверное, перед концом, в агонии, всякое происходит. Я не медик! Учусь на третьем курсе экономического факультета университета, понятия не имею, как люди с жизнью прощаются. Если по кино судить, то должны слабеть. По кино судить — глупо, любой ребенок знает.

Затолкала его вещи в собственные карманы. Захватила его лицо ладонями, чтобы на меня смотрел прямо (щеки колкие, утром, наверное, брился):

— У нас два варианта. Слышите? Не теряйте сознания, пожалуйста! Дышите глубже. Или на проспект, — я дернула головой в сторону, откуда пришла, — и там вызываем «скорую» из телефона-автомата. Еще найди исправный, — тихо добавила я. — Или транспортирую вас к себе домой. Путь в два раза

короче, и телефон точно работает. Кто принимает решение?

Больной безмолвствовал и смотрел на меня так, будто пришел его последний час и видит он перед собой Смерть, то есть даму в балахоне и с косой. Капюшон куртки, конечно, свалился мне на лоб, но косы-то у меня не было!

— Похоже, решение принимаю я.

— Мрак, — пробормотал сердечник. — Все, отключаюсь.

И действительно отключился. Глаза его закрылись, голова мгновенно потяжелела. У меня было ощущение, что держу в ладонях многокилограммовый арбуз.

— Стойте! — попросила я. — То есть сидите, но не умирайте. Господи! Люди, на помощь! Придите, кто-нибудь! Помогите!

Как же. Людей смыло дождем, унесло в тепленькие квартирки. А человек погибает у меня на руках. Почему у меня-то? Вечно не везет.

Себя потом пожалею. Он дышит? Еще дышит. Значит, потащили к своему дому, что надежнее.

У меня прабабушка на войне служила санитаркой. В восемнадцать лет фигура у бабушки была под стать моей — хрупкая, и рост ниже среднего.

— Бабуля, — спрашивала я в детстве, — как же ты раненых с поля боя таскала? А если он большой и толстый?

— Всякие бывали, — отвечала бабушка. — Легких мужиков не бывает. Один раз полковника эвакуировала. Он случайно на передовой оказался. Из штаба фронта, захотелось пороху понюхать. Сдурел от страха, когда бомбежка началась, не в ту сторону побежал. Ранило всего-то в ляжку, осколком. Наши ребята при таких ранениях сами ползли, а этот — ойкает и верещит. Делать нечего — поволокла. Больше центнера полковник, пузо — как у бегемота. И хоть бы, сволочь, здоровой ногой отталкивался, помогал. Нет, стонет и почему-то не матерится. А у меня последние жилы рвутся.

— Ты бросила бы его, бабушка!

— Раненого? — удивилась она. — И потом, в смысле, когда я его доставила... нет, еще через некоторое время... оказалось, что в штабе фронта он — голова, на троих помноженная.

— Как это?

— Головастый очень. Стратег.. Или тактик? — с сомнением спросила сама себя бабушка. — В общем, операции мой бегемотик разрабатывал такие, что солдат берегли, а фрицам пороху давали. Не то что те, кто бойцов за дрова держал, а не за людей. Он-то мне, — с гордостью похвалилась бабушка, —

потом два ящика американских продуктов прислал и к ордену представил.

Не знаю! Не представляю, как бабушка волокла своего полковника по кочкам и оврагам. Ордена мне не надо! Но, елки-моталки, как тяжелы мужчины! Я его по ровной дорожке протащила метров сто. Сначала за подмышки подхватив, потом за ворот куртки уцепившись... Согнулась в три погибели, сумка через плечо (как у настоящей санитарки), тяну изо всех сил, а двигаюсь с черепашьей скоростью. Так он у меня помрет, до медсанбата, тьфу ты, до больницы не добравшись.

Передышка. Распахнула его куртку, ухо к груди приложила. Сердце, кажется, бьется. Не понять, потому что мое собственное сердце подкатило к горлу и рвется наружу, барабанит в ушах.

В эту минуту мне отчаянно хотелось оказаться дома, в тепле и сухости. Сбросить с себя мокрую одежду, понежиться в теплой благоухающей ванне. Выбраться из нее, когда подруга Майка, потеряв терпение, заявит ультимативно:

— Кисни сколько хочешь, но четвертый раз блинчики я тебе разогреть не стану!

Мы с Майкой снимаем однокомнатную квартиру. Правильнее сказать: снимает Май-

кин папа, оплачивает. Мы из одного города, но прежде друг друга не знали. Майка училась в школе с английским уклоном, а я — в соседней с домом. Обе поступили в столичные вузы. Непостижимым образом Майкин папа меня вычислил, определенно навел справки о моем моральном облике, удовлетворился и предложил поселиться в однокомнатной квартире вместе с его драгоценной доченькой. Вначале я приняла это в штыки. Мама сказала: «Не торопись, посмотришь, за общежитие ведь тоже надо платить, а с деньгами у нас... сама знаешь». Майка оказалась потрясающей девчонкой. Родители ее баловали, баловали и почему-то не избаловали окончательно. Наверное, здоровую натуру нелегко испортить. Майка — пышечка, очень любит вкусно поесть. Страдает из-за своей фигуры, не попадающей под современные стандарты. Я говорю: «Ты вылитая Мэрилин Монро» — и при этом не сильно кривлю душой. Но о Майке речь впереди. Пока же только замечу, что откармливать меня Майка считает своим святым долгом. Да и готовить ей нравится.

Ау, Майка! Где ты? В трехстах метрах и в недостижимой благодати. А я тут, с живым трупом, чтоб он сдох. Нет, нет! Пусть живет. Еще немного протянуть.

Точно полтонны весит.. Тяжесть дикая. У мужчин, наверное, кости из свинца... мышцы из стали... вода в их теле заменена на ртуть... Кто сказал, что человек состоит на восемьдесят процентов из воды? Он не исследовал мужчин. Вдалеке, размыто за струями дождя, показалась фигура. Я вскочила и замаячила руками:

— Мужчина! Женщина! Кто вы там? На помощь! Сюда! Ко мне! Спасайте!

Фигура, двигаясь неровно, покачиваясь, приблизилась. Оказалось — нетрезвый мужик. Конечно! Кто сейчас на улице остался? Алкоголики, больные алкоголики и я, несчастная.

— Пожалуйста, помогите! — взмолилась я. — Надо его донести до дома.

— Перебрал твой мужик?

Вдаваться в подробности: это-де не мой муж, а человек, нуждающийся в срочной медицинской помощи — мне представилось лишним. Начнутся расспросы, потеряем время, которое для больного на вес золота. Попросить мужика вызвать «скорую»? Уйдет и поминай как звали. Поэтому я кивнула: мол, да, муж надрался — и повторила просьбу.

— Лады, — согласился алкоголик номер два, — мужскую солидарность еще не отменили. А — так, все отменили: революционные праздники, совесть, бесплатную медицину.

Водки, свободы и порнографии — завались, а радости нет.

— Может, понесем? — прервала я.

— Берем. Ты — за ноги, я — за плечи. Раздва, подняли. Поехали.

Сердечника мы оторвали от земли сантиметров на пять. То есть практически волочили по лужам. Кроме того, моего нетрезвого помощника шатало из стороны в сторону. Он ковылял спиной по ходу, с «право-лево» у него было плохо. На мои «вправо» он дергался влево и наоборот. Несколько раз врезался в припаркованные автомобили и в стволы деревьев, падал и чертыхался. Мягко сказано — «чертыхался», вы понимаете. В итоге предложила развернуться: я тащу за ноги «мужа», двигаясь спиной вперед, а добрый алкоголик идет лицом.

Дело пошло быстрее. Промокла я насквозь. Верхнюю одежду промочил дождь, нижнюю — пот. У дверей подъезда, как только я их открыла, набрав код замка, и, подхватив ноги сердечника, собралась втиснуться в проем, добрый алкаш завопил:

— Нельзя ногами вперед! Так только покойников...

— Как? Уже?

— Разворачиваем. Я с головой твоего мужика вперед пойду. Заходи слева, в смысле — справа, крутись.

Наши круговращения напоминали суету бестолковых грузчиков, которые пытаются доставить негабаритный груз. Но «груз»-то был живой! Мы несколько минут менялись местами, при этом то вместе двигались влево, то одновременно вправо. Елозили телом несчастного по площадке у двери. Мои силы, физические и психические были на исходе. Дверь подъезда захлопывалась, я снова ее открывала. Казалось, этому кошмару не будет конца.

На счастье, из подъезда выходил мужчина с собакой.

— Друг, подсоби! — попросил его добрый алкоголик. — Видишь, мужик — вусмерть, а баба его бестолковая.

Возмущаться не приходилось. Я не баба, не бестолковая, мужик не мой. Но скорей бы все это кончилось. Просительно посмотрела на соседа:

— Очень вас прошу!

— Вы снимаете квартиру на втором этаже? — спросил он.

Трезвый. В мире еще встречаются трезвые мужчины.

— Да, — кивнула я — Пожалуйста! Тут обстоятельства, долго рассказывать, а время не терпит. Пожалуйста! Помогите внести больного человека в квартиру.

— Таким больным надо меньше пить.

— Вы даже не представляете, насколько правы!

— Подержите собаку, возьмите поводок, не дергайте. Айк, свои! Прогулка несколько откладывается, но, безусловно, состоится. Тебе придется повременить с удовлетворением естественных потребностей.

Он разговаривал с псом, словно тот имеет человеческое среднее образование. Я вела собаку и думала о том, как правильно говорить про естественные потребности: их отправляют или оправляют? Нужду естественную точно — справляют.

Со мной случается: в неподходящий момент начинаю размышлять о вдруг возникшем ребусе. И теперь, мокрая и взволнованная, с больным сердечником в придачу, правила русской стилистики мысленно вспоминаю, хотя никогда не была в них сильна.

Айку, беспородной, но очень симпатичной собаке, отчаянно хотелось на улицу. Однако он смиренно подчинился. Только вздохнул совсем по-человечьи, коротко заскулил. На мои причитания: «хорошая собачка, умная, добрая» — не обращал внимания. Собаки со средним и неполным высшим образованием к лести глухи.

Больного сердечника донесли в рекордные сроки, за каких-нибудь три минуты.

Майя открыла дверь на звонок и оторопело застыла. Два мужика держат за руки-ноги третьего, бесчувственного, рядом я с собакой.

— Посторонись, — велела я. — Вносите.

— Куда складировать? — спросил алкоголик.

На секунду я замешкалась. Майя спит на диванчике, я — на кресле-кровати. Укладывать на наши постели грязного, мокрого забулдыгу, хоть и насквозь больного? Перебьется.

— Тут кладите, в прихожей, к стеночке. Спасибо вам большое! Очень признательна! Всего доброго! До свидания!

Майя изумленно тыкала пальцем в длинное тело, занявшее весь коридорчик, и заикалась:

— Эт-то что? К-кто? Откуда?

— С улицы, — ответила я на последний вопрос. — Волокла его от детского садика. Из последних сил.

— Зачем? — округлила глаза Майя.

— Хватит вопросов. Быстро вызывай «скорую».

— Кому?

— Майка, очнись! Человек крайне болен, сердечный приступ.

— У этого приступ? — Теперь она тыкала двумя пальцами.

Валяющийся на нашем полу молодой человек умирающим не выглядел. Под ним растекалась куча грязной воды, да и весь он смотрелся как долго катавшийся по земле субъект. Что, впрочем, не далеко от истины.

— Да! У него порок сердца, быстро рос, видишь, вымахал...

— Ты давно его знаешь?

— Вообще не знаю! — взревела я. — Майка! Звони! Ноль-один, ноль-два или ноль-три — кто-то из них «Скорая помощь». Говори наш адрес, пусть мчатся.

Но Майка не сдвинулась с места и продолжала уточнять:

— Порок сердца? Уверена? У моего брата двоюродного порок был. Ногти синели и губы. А у этого нормального цвета. И харя самодовольная. Кто тебе сказал, что у него приступ?

— Никто, сама подумала.

Подкрадывалось осознание того, что свалила большую дуру. Такую большую, что даже перед Майкой стыдно.

— Чем ты думала?

— Чем думала, то и получилось, — пробормотала я и принялась оправдываться: — Он говорил, что умирает, что сердце у него...

— Какое сердце, Лида? Посмотри на этого бугая. У него вместо сердца мотор тракторный.

Будто в подтверждение ее слов, молодой человек глубоко вздохнул, повернулся на бок, повозился, удобно устраиваясь. Нос его пришелся точно в обувную полку, еще точнее — в мои туфли. Он еще раз втянул воздух и... захрапел.

— Лида!

В моем имени, как его произнесла Майка, было все: возмущение, испуг, подозрение в сумасшествии, отчаяние и страстное желание услышать от меня внятное объяснение происходящему.

Что я могла ей сказать?

Если откровенно, буйное воображение и способность к самовнушению иногда приводят меня в состояние глубокой паники.

Однажды в детстве, сидя дома, безо всяких поводов, вдруг представила, что маму сбила машина. Мамочка умирает, окровавленную, ее везут в больницу... Последние вздохи — и мамы больше нет. «Скорая», минуя больницу, подкатывает к моргу... Никогда самой дорогой и любимой мамочки больше не будет рядом. Не утешит, не обнимет, не поругает, не посмеется над моими проделками — исчезнет. Буду жить с бабушкой, которая по утрам станет кормить ненавистой овсянкой, ходить на кладбище, где рядом с папиной и прабабушки могилками появится мамина... Отчет-

ливо представила надгробный памятник, как кладу к нему цветочки... Горе захлестнуло меня. К тому времени, когда мама пришла с работы, я уже три часа бурно рыдала. И потом еще долго висела у нее на шее, твердя сквозь икоту: «Ты живая, живая!»

Отлично сдала экзамены в университет. За два дня до окончательных результатов умудрилась внушить себе, что не поступила. Куда мне, провинциалочке, против столичных абитуриентов, у которых и связи, и репетиторы, и взятки. Вернусь домой, пойду работать кондуктором в автобусе, если повезет — лаборанткой в мамин техникум. Учителя школьные расстроятся, а некоторые из подруг позлорадствуют: Лидка-то высоко взлететь хотела, да и приземлилась на пятую точку. Какие математические способности, какие победы на олимпиадах! Не задавалась бы, поступала бы в наш институт, как все. Москва ей кукиш показала, и правильно.

Я собрала вещички, чтобы ехать на вокзал покупать билет и отправляться домой. Завернула в институт, посмотреть на списки только из мазохистского желания сделать себе еще большее. И даже когда читала в списке поступивших: «Красная Лидия Евгеньевна» — думала, что у меня есть полная тезка. Не такая уж частая у нас фамилия. И моей тезке тоже, наверное, доставалось: дразнили «красной,

для быка (варианты: ежа, осла, слона) опасной».

Но потом, конечно, шарики и ролики встали у меня на место.

— Лида? — повторила вопросительно Майка.

— У меня бывает, — призналась я.

— Что бывает? Бомжей домой таскаешь?

— Не только. У меня развито воображение.

— В какую сторону развито?

— Чего пристала? Ошиблась нечаянно. Убить меня теперь? Давай его на лестничную клетку вытащим? Пусть под лестницей отсыпается. Хотя, — тут же я засомневалась, — сосед с собачкой увидит, решит, что мы подозрительные девицы, пожалуется хозяйке, она турнет нас с квартиры.

— Воображение у тебя в самом деле богатое. Лида, а если он очнется среди ночи, ограбит нас или чего хуже?

— О «чего хуже» не мечтай. Шутка. У меня все его документы. Не могу больше! Я мокрая, холодная, голодная, несчастная. Если немедленно не приму ванну, заболею воспалением легких, суставов, мозга.

— В мозге у тебя уже началось. Ладно, иди в ванну, я чай заварю и пюре с котлетами погрею. Ляжем спать — дверь в комнату диваном подопрем, а на кухне и в коридоре воро-

вать особо нечего. Пусть дрыхнет твой алкаш.

Горячая вода, благоухающая пена, мое тело, погруженное в жидкость... Как мало человеку для маленького счастья надо. Желательно, чтобы в коридоре вашей квартиры не храпел неизвестно кто и звать никак. Впрочем, как приبلуду зовут, я скоро узнала.

Пришла Майя, протянула мне чашку чая, села на край ванны и раскрыла чужой паспорт:

— Поляков Максим Георгиевич, семьдесят первого года рождения. Значит, двадцать шесть лет? Я бы больше дала, но, может, потому что пьяный и грязный. Не женат, во всяком случае, отметки не имеется.

— Мне чихать на его семейное положение.

— Москвич, — не обращая внимания на мои комментарии, листала паспорт Майя, — прописка постоянная, улица Русаковская, дом... квартира... Где это?

— Кажется, в районе Сокольников. Майка, нехорошо рыться в чужих документах.

— А кого попало в дом приносить, хорошо? Молчи уж. Тут еще пропуск какой-то. На работу, наверное. Лидка, он старший менеджер в консалтинговой фирме. Круто.

— Никогда бы не подумала, что специалисты по консалтингу валяются на улице. Дернула меня нелегкая!

— А может, ты свою судьбу притарабанила? — мечтательно спросила Майка.

Как в воду глядела. Но тогда Майкины слова показались мне верхом абсурда. Еще не хватало мне женихов с газонов подбирать! Майка — неисправимый романтик. И я презрительно хмыкнула, покрутила пальцем у виска.

— Нет, Лида, правда! — продолжала Майка. — Я же его обследовала.

— Чего-чего?

— Внешне осмотрела. Лидка, он приличный. Хоть и грязный, но не бомж. Ботинки, брюки, рубашка, джемпер, куртка — все фирменное, дорогое.

— Как обстоит дело с его нижним бельем? Без заплат?

— Она еще надо мной издевается! Чья бы корова мычала. Знаешь, сколько стоит его бумажник? Сто долларов, не меньше, у моего папы такой. А в бумажнике...

— Давай присвоим?

Разнеженной, в благоухающей ванне, с чашкой ароматного чая в руках, теперь мне легко было потешаться.

— А что? — прихлебывала я чай. — Нешто не заработала? Не будь меня сердобольной, валялся бы под дождем, простудился на-

сквозь. А сейчас — верх комфорта, спит в тепле, вдыхает терпкий аромат нашей обуви. Сколько возьмем? По таксе. Такса — по нашему усмотрению. Оставь мелочишку на проезд в метро, остальное экспроприируй. Купишь себе сумку новую, а я зимние сапоги справлю. И еще микроволновку приобретем, чтобы не было хлопот с разогреванием ужина для меня. Как там, кстати, пюре и котлеты? Съем все, тарелку оближу. Майечка, куколка, покормишь?

— Ой, Лида! — поднялась моя подруга. — Я тебя иногда не понимаю. То есть периодически часто не понимаю. Два года знаю, а ты по-прежнему сюрпризы преподносишь. То простая как валенок, неприспособленная к жизни, то знания обнаруживаешь, которыми только нобелевские лауреаты владеют. Вроде генома человека. Помнишь? Ты мне рассказывала-объясняла, а у меня только собственная мысль в памяти осталась: какая Лидка умная! С другой стороны, найти дуру, которая пьяного мужика к себе домой тащит...

— Есть хочу! — завопила я и поболтала ногами, на Майю полетели брызги. — Хватит песочить. Голодному человеку психоанализ противопоказан.

— Не брызгайся! Как ребенок, честное слово! Иди, ужинай, я все разогрела. И вытирайся своим, голубым полотенцем, а не моим ро-

зовым. Тысячу раз тебе говорила: мое — розовое, твое — голубое. Она еще и дальтоник, неряха, параноидальная личность, — бурчала Майя, выходя. — За что люблю, если моими полотенцами вытирается?

Тело, храпящее в нашей прихожей, не вызвало у меня ничего, кроме презрения и раздражения. Приятно ли видеть свидетельство собственной глупости?

Майка сняла с него ботинки, подложила под голову подушку и укрыла пледом. С определенной точки зрения, проявила о Максиме заботы не меньше, чем я.

Как рассказывал потом Максим, его намеренно отравили, только обчистить не успели. У него были неприятности и настроение хуже не придумаешь. В чисто мужской манере он решил поправить состояние духа. Зашел в бар, опрокинул несколько рюмок коньяку. Не помогло. Заглянул в другой бар, еще принял. Так шел по улице и заглядывал в каждое питейное заведение. О том, что может надраться в стельку, не беспокоился. Сильный, мол, на спиртное, цистерну на грудь примет — и хоть бы хны. В состоянии «хны» он приземлился в каком-то ресторане. Прилипла девица: угости фирменным здешним коктейлем, чего тебе, жалко? И сам попробуй, забойная вещь. Мак-

сим и заказал коктейли. И уже после нескольких глотков почувствовал — творится неладное. Его хваленая система обмена-распада алкоголя резко сломалась. Перед глазами поплыло, стены закачались. Тут, на его удачу, в ресторане что-то произошло: милиция нагрянула или бандиты. Девушка исчезла, народ забегал. Собрав остатки воли в кулак, Максим побрел к выходу. Далее — черная дыра. Как далеко он ушел от того ресторана, где свалился — ничего не помнит.

Утром очнулся, поняв наконец, что его беспокоит в полусне-полубреду: невероятно давние, заиленные годами и годами младенческие ощущения. Влажное тепло, исходящее от одежды, неприятное и уютное одновременно. Не хватает только голоса мамы: «А кто у нас намочил штанишки? Опять Максенька не попросился на горшок».

«Под себя сходил, что ли? — подумал Максим. — Здравствуй, детство! Кто видел позор?»

Открыл глаза: совершенно незнакомая обстановка. Темные дыры чего-то, напоминающего... Да это же дамские туфли! Откуда? Что-то в ухо тычется. Вытащил, навел резкость, рассмотрел: каблук-шпилька.

Где я? Что вчера было? Помню бар, еще бар, коньяк, еще коньяк... Завязываю пить!

...Бар-шлюха-коктейль... А дальше? Мрак беспомыслия.

Спокойно. Оглядываюсь. Кажется, прихожая. Точно — чужая. С одной стороны — полка для обуви, с другой — стена, оклеенная дешевыми обоями. Под головой подушка в цветастой наволочке. Уже неплохо. Тот, кто дал узнику подушку, не станет его варить в котле со смолой. И пледом укрыт. Спасибо, конечно, за парниковый эффект. Прислушиваемся, принимаемся. Нет, ребята, под себя не сходил-таки, но близок. Срочно и немедленно требуется облегчиться. Если тут имеется прихожая с обувной полкой, то и туалет обязан быть. Остальное — потом.

Встали. Упали. Опять встали и опять упали. Значит, на четвереньках. Держимся. Двигаемся.

Грохот в прихожей услышала Майка. Она чутко спит, а мне — хоть из пушек стреляй. Над нашей с мамой квартирой жил рок-музыкант, репетировавший по ночам.

Выскакивает Майка, халатик поверх ночнушки, и видит: ползет наш алкоголик в сторону кухни на четвереньках, мычит и покусывает, как человек, которому срочно нужно по-маленькому.

Дочапал до места, две двери. Голову к Майке повернул:

— Где туалет?

— Правая дверь.

— Спасибо.

Из туалета он вышел, покачиваясь, но на двух ногах.

— Руки помыть? — вежливо спросила Майя. — Соседняя дверь, ванная.

Ему бы, конечно, не руки мыть, а всего себя полностью. И одежду с засохшей грязью чистить и чистить.

Максим рассказывал, что в зеркале ванной узнал себя с трудом. Подставил голову под холодную воду и долго держал. Кое-как, ладонью, смыл грязь с одежды.

Возвращение в жизнь, в цивилизацию. Захотелось сделать что-то обрядово культурное, ритуальное, каждодневное. Он выдавил на палец зубную пасту и почистил зубы.

В это время Майя сидела на кухне и терзалась: поить чаем алкоголика или обойдется? Ход ее мыслей был странен и одновременно логичен. Пришелец будет пить чай, есть бутерброды. А колбасы и сыра осталось всего ничего. Лида уйдет в институт без завтрака. Она, то есть я, Лида, и так кандидатка на язву желудка.

За подсчетами кружочков колбасы и пластинок сыра (чайник она все-таки поставила)

Майя совсем забыла, что у нас находятся документы и деньги приبلуды.

Когда он появился из ванны, относительно облагороженный, Майка спросила:

— Чаю или денег на такси?

Максим чувствовал, что подкатывает новый этап испытаний. Несколько минут, после холодной воды на затылок, чувствовал себя сносно, зубы — сноб — чистил. А сейчас мутит, тошнит и дурно до невозможности.

— Деньги, — просипел он. — Пожалуйста! Быстро!

Майка протянула ему купюры.

Разбираться: где я, что за девушка, почему тут оказался, ругаться или благодарить, что-либо выяснять — он не мог. Бежать.

Бежать, когда желудок подкатил к горлу, ноги вихляются, руки трясутся, в голове туман — очень непросто. Повиснув на перилах, скользя вниз, Максим кое-как спустился, вышел на улицу. Куда? За угол. Тут и выворотило. Спазмы, судороги сопровождалась громкими и отчаянно несимпатичными звуками... Люди на работу идут... Шарахаются презрительно... Правильно, я бы и сам на их месте... Теперь я никогда не посмотрю косо на человека, прилюдно извергающего продукты отравления.

Ответ на вопрос викторины: «Кто наш постоянный друг и враг?» — «Будильник». Спаситель и мучитель. Мы проспим, опоздаем, потеряем знания, шансы, упустим возможности без будильника. И в то же время будильник — вражина, который лишает сладкого сна, грез, вырывает из теплой постели и заставляет теплые ножки спускаться на холодный пол.

Проклиная будильник (стойкий, уж я бью по нему отчаянно), выбредаю в места общего пользования. Тяну носом: пахнет горячими бутербродами — Майка на посту. Сейчас быстро помыться и выполнить утренний ритуал: Майя впихивает в меня завтрак, я кочевряжусь.

О том, что накануне притащила домой хорошо одетого алкоголика, спросонья начисто забыла. И, уже стоя под душем, подумала: «Откуда в прихожей грязные пятна?» Да, я же вчера...

Сократив процедуру утреннего умывания, выскочила из ванны:

— Майка, а где этот.. которого я нечаянно...?

— Ушел. Лида! Садись и кушай. Вот чай, обязательно два бутерброда. Лида, если у тебя откроется язва...

— Сам убрался?

— В общем-то сам. Но сначала он здесь ползал. Лидка, ты спишь как убитая!

— В каком смысле — ползал?

— На четвереньках. Но когда встал на ноги! Лида, он задевал макушкой потолок. Это гигант! Супермен.

— По порядку событий. Почему ползал?

— Не спрашивала. Ползет человек, интересуется, где туалет, значит — надо.

— Дальше.

— В ванной мылся. А у нас колбасы сто грамм и сыра чуть-чуть!

Надо знать Майю. Логика в ее словах обязательно присутствует, только требуется раскопать.

— Колбаса отдельно, мужик сам по себе. Что ты с ним проделала?

— Мне было жалко колбасы, которая для тебя, и я дала ему деньги на такси.

— Великолепно! Майка, ты гений! Я тебя обожаю. Деньги отдам со стипендии.

— Их навалом. Его денег. И документы. Лида, каюсь, я забыла все это ему вернуть.

— Ерунда. Деньги — в общий котел. Документы — в мусоропровод. Забыли, как страшный сон. Аврал! На лекцию опаздываю. Все, умчалась.

Майя училась в коммерческом вузе. У них там вольница. Главное — плату вносить вовремя. А то, что на первых лекциях по утрам сидело полтора человека, деканат не волнова-

ло. У нас, бюджетных студентов, — другая история. Прогулы без уважительных причин могли рассматриваться как прямая дорожка к отчислению. Кроме того, дисциплины мы постигали информационно емкие, пропусти два часа лекций — на следующие приходишь баран-бараном. Чтобы догнать, надо в библиотеке сидеть до закрытия.

Вычеркнуть из памяти поступок нелепый, глупый и стыдный — естественно для любого человека. Я не исключение. Забыла бы, как тащила мнимого больного, и никогда не вспоминала.

Майя. Любимая дорогая подруга. Она сыграла в моей судьбе главную роль.

Майку мучило, что у нас остались чужие документы и бумажник. В справочной, по фамилии и адресу, выяснила телефон Максима и позвонила.

Максим тогда еще думал, что обокрали его в баре, и звонит девица, что подсунула отраву. Станет шантажировать, за документы деньги требовать.

Поэтому когда Майя вежливо поздоровалась и спросила, не хочет ли он забрать вещи, Максим с ходу и грубо заявил:

— Слушай меня, путана! Ничего более ты не слушишь. Отдай документы по-хорошему. Или найду тебя. Из-под земли достану,

разберу на молекулы и развею по ветру. Поняла?

— Поняла, — обиженно сказала Майя, — что вы невоспитанный, неблагодарный, извините, хам. Его Лида от детского садика волокла, надрывалась, спал у нас, я еще подушку подсунула, деньги на такси дала...

— Погодите-погодите! Вы та самая девушка, в квартире которой я неизвестно как оказался?

— Очень даже известно. Вас Лида принесла, на улице в грязи подобрала, думала — умираете. А вы!

— Извините! Простите! У меня провалы в памяти. Идиотская история. Значит, меня подобрала некая Лида и...

— Потому что у нее бабушка была санитаркой во время войны, — оправдала мои действия Майя.

— Какой войны? Впрочем, не важно. Черт! Представляю, какво бедной девушке было меня тащить.

— На последнем этапе ей помогли двое мужчин, — честно донесла Майка.

— Так, я приблизительно восстановил картину. Диктуйте адрес. Могу к вам подъехать вечером?

Майка, секретчица, ничего мне не сказала. Только упорно отказывалась идти в кино, хотя накануне мы собирались.

Максим появился эффектно. Два роскошных букета держал под мышками, а в руках большие пластиковые пакеты, из которых торчали горлышки бутылок, коробки конфет, зеленая верхушка ананаса, гроздь бананов...

Когда этот Дед Мороз предстал на нашем пороге, я растерялась, хотя и узнала его мгновенно.

— Примите с благодарностью! С моей, — уточнил Максим, — великой благодарностью. Можно пройти?

Он поставил на пол сумки и вручил нам цветы.

— Конечно, заходите. — Майка не отрывала взгляда от продуктовых наборов. — Ой, сколько вкуснятины! Это все нам?

— Естественно. Скромная попытка выразить вам признательность.

«Ничего скромного, — подумала я, когда на свет полезли банки с икрой, крабами, батоны сырокопченой колбасы, сыр и дорогая рыба. — Барский размах. Почти как бабушкин полковник».

Такого изобилия у нас не было, даже когда приезжали Майкины родители.

— Может, взять за правило, — смущенно проговорила я, — по вечерам собирать на улицах падших субъектов? Так, глядишь, и прокормимся.

Максим рассмеялся и посмотрел на меня внимательно.

Я задрала голову и тоже на него посмотрела.

С этого все и началось...

Глава вторая

Слабости сильных женщин

Пропускаю десять лет. Ведь пишут в романах: «С тех пор прошло десять лет». Хотя как читателя подобные пропуски меня всегда возмущали: неужели за целое десятилетие не нашлось событий, достойных упоминания? Герои под наркозом, что ли, пребывали?

Отчасти — под наркозом. Десять лет не прошли, а промелькнули, пронеслись, просвистели.

Событий, радостных и печальных, открытий, эмоциональных и профессиональных, слез, смеха, ликования, уныния, мелких и крупных ссор, бурных и тихих примирений — всего в моей жизни было в норме. Без перехлеста, но и без скудости.

Дай мне волю, я бы, конечно, живописала наш роман с Максимом, трясущиеся поджилки накануне знакомства с его родителями, свадьбу, постоянную тревогу: мне так хорошо

с ним, как не бывает и быть не может. Леденящий страх, который сопровождает только большое счастье: вдруг оно кончится? Но по сути, в моих переживаниях, как я сейчас понимаю, нет ничего особенного. Сия чаша не минула любую женщину, встретившую своего истинного избранника и соединившуюся с ним.

Тревоги постепенно рассосались и совершенно исчезли, когда родился сын Георгий, Гошка. Начался абсолютно новый жизненный этап, с другими страхами, заботами, радостями.словно в волшебной сказке: была Лида Полякова (в девичестве — Красная), подающий большие надежды менеджер крупной дилерской компании, прошла через роддом, стала истовой матерью, которой чихать на карьеру. Как Иван в сказке: искупался в кипящем котле — стал царевичем. Чувства, открытия, которые нам подарил сынишка, поистине царские.

Когда Гошке исполнилось три года, мы отдали его в детский сад. Требовалось отдать, потому что ему страстно не хватало общения, бросался на детей во время прогулок и кланчал: «Поиграем вместе?» Имелись проблемы и у меня. Настолько сосредоточилась на ребенке, что потеряла интерес к окружающему. Невольная изоляция сделала Гошку исключительным объектом применения моих недю-

жинных сил, моей вселенной. И что творится за границами этой вселенной, меня не волновало. Я походила на заключенного, который получает удовольствие от сидения за решеткой. Хотя, конечно, сравнивать маленького ребенка с тюрьмой кощунственно.

Я вышла на работу. Уже в другую фирму, помельче. Зато быстро взлетела по служебной лестнице. Тут моих заслуг пятьдесят на пятьдесят. Природные математические способности обеспечили родители. Неразбериху в логистике нашей фирмы через несколько месяцев я выстроила в железную схему, и уже никакой пройдоха не мог стырить ящик-другой продукции.

Возможно, вы не знаете, чем занимается дистрибьюторская фирма. Если очень грубо и просто, то мы стоим между производителями товаров и магазинными сетями. Помогаем одним пристроить свою продукцию, другим — пополнять ассортимент. На разнице в ценах получаем очень-очень хорошую прибыль.

Охмурить, соблазнить закупщиков (это профессиональный жаргон: мы — продажники, они — закупщики) никакие логарифмы не помогут. Нужно уметь разговаривать с людьми, убеждать цифрами, фактами и личным обаянием. Тем более, когда предмет твоей деятельности — бытовая химия, от стиральных порошков до средств ухода за обувью.

Мое обаяние не подкачало. Хотя перестала производить впечатление девушки, которую хочется накормить. «Что-то очень естественное, натуральное, доверительное» — не мои слова, суммированные цитаты, — сквозит в моем облике.

Да и верно! Если найдется партнер, который заявит, будто я его обманула или слова не сдержала, — плюньте ему в лицо.

Ныне я с клиентами, кроме очень крупных, не общаюсь, потому как — заместитель генерального директора фирмы. У меня в подчинении три менеджера, шесть торговых представителей, плюс мерчендайзеры и начальники складов. За то время, что я работаю, наши обороты выросли в тридцать раз. Моя зарплата чуть меньше — раз в десять.

Максим по-прежнему занимается консалтинговыми услугами. Его заработки гораздо выше моих.

Мы — молодая семья, хорошо обеспеченная, добившаяся всего исключительно благодаря личным стараниям. Ни богатеньких папам, ни активов, украденных у государства, в нашем прошлом нет.

Трехкомнатная квартира, за которую недавно расплатились, дача (от Москвы далеко-вато, но удобства в доме), две импортные машины, отдыхаем за границей, в рестораны ходим, одеты с иголочки.

Словом, все в нашей жизни было замечательно, пока...

Минуточку. Я ведь про Майку не рассказала.

Она два раза была замужем и родила двоих деток. Майка прекрасная мать, но сын и дочь с ней не живут. Майкиным родителям, когда родился старший, Игорек, пятидесяти не исполнилось. Примчались в Москву, внука в охапку: вам надо жизнь устраивать, у нас малыш получит отличный уход. Игорек при бабушке с дедушкой как сыр в масле катается. А у Майкиных родителей новый счастливый период наступил, и смысл бытия появился. Дедушкины загулы и подозрительные командировки в одночасье прекратились, мчался с работы домой внука купать. Бабушка опять, как в молодости, стала командиршей в доме, распоряжения и суждения которой — истина в последней инстанции. Майка тосковала, но не могла забрать у родителей их отраду.

Она развелась и через некоторое время снова вышла замуж. О ее супругах ничего хорошего, как, впрочем, и плохого, сказать не могу. Типичные представители мужского племени, которым на первом этапе хочется женского тепла, ласки, понимания, уюта. Всего этого у Майки с лихвой. Но на втором этапе оказывается, что постоянная любовь, ласка,

участие начинают надоедать, потом — досаж-
дать. И хочется перчика, остренького в отно-
шениях, а не пресного беспросветного покло-
нения.

Мужья Майку бросали. Я их понимаю, но простить не могу. Майка уникальная женщи-
на, которой при рождении не отпустили ни
грانا кокетства, или лукавства, или злобы,
или вздорности. Она не умеет обижаться, все-
гда оправдывает поступки людей, которые ей
дороги. У нее нет гордости в общепринятом
понимании. На нее можно орать и стирать ее
словесно в порошок, она будет смотреть на
вас сочувственно: тебе, бедняжке, сейчас, на-
верное, очень плохо, коль беснуешься, дай
пожалую. Речь идет о близких, конечно.

Меня саму Майка нередко доводила до бе-
лого каленья, что уж говорить о мужьях, кото-
рые сбегали от нее к беспутным бабам. Прав-
да, бывшие супруги периодически возникают
в ее квартире: поплакаться, отмыться, отъе-
сться, перья просушить, гребень взбить. Что-
бы снова кукарекать на стороне.

Во втором браке Майка родила дочь Веро-
нику. Я думала: уж теперь отогреется ее мате-
ринское сердце. Не получилось. Бабушка с
дедушкой тут как тут: ребенку нужен воздух,
фрукты и постоянный уход, который только
мы можем обеспечить. Майка безропотно от-
дала ребенка. Как же, маму с папой лишить

радости. А себя лишать — сколько угодно. Видеть детей раз в три месяца, выслушивать от родителей, какие, мол, они героини-подвижники, согласно кивать, благодарить, потом дома, в Москве, плакать от тоски. С трепетом покупать детские вещички, чтобы потом услышать: «Есть у Игорька уже зимняя куртка, зачем тратилась, а Верочке розовый цвет не идет, у нее щечки бледные».

Меня подобное положение дел, естественно, бесило.

— Твои родители эгоисты, — кипятилась я. — Нарожали бы сами выводок, были бы у тебя братики и сестрички. Как славно сложилось бы твоё детство. Нет! В своё время мама на аборт бегала с полного согласия папочки. А теперь отыгрываются, неизрасходованный запас родительской энергии в ход пустили. Разве ты не можешь поднять детей? Что, у тебя квартиры нет, зарплата нищенская, стирать-готовить не умеешь? Да если бы и были проблемы, пусть помогут материально, а не калечат тебе жизнь. В конце концов, если сильно чадолюбивые, пусть сирот пригреют. Сколько тебе собственных детей ждатель? Пока маму с папой инсульты-инфаркты разобьют?

— Тьфу, тьфу, не приведи бог!

— Меня поражает: они с чистой совестью, ещё и с гордостью, увезли твоих детей, в их

головой даже не приходит мысль, что лишили тебя большого счастья.

— Но ведь ничего не поделаешь, — вздыхает Майка.

— Да почему «не поделаешь»? — еще больше накаляюсь я. — Забери детей, и все дела.

— Лида, как я могу лишить маму и папу счастливой жизни? — обреченно спрашивает Майя.

И вариантов ответа на этот вопрос для нее не существует.

Майкину ситуацию я не раз обсуждала со своим мужем. Требовалось выплеснуть гневные эмоции, которыми, из жалости, не добиwała подругу. Обычно, выслушав мои сентенции, Максим заявлял:

— Нужно исходить не с позиции блага для Майи или ее родителей, а с точки зрения интересов детей. Где, с кем малышам лучше?

— Им хорошо у бабушки с дедушкой, признаю. Я ведь навещала их, когда у мамы была. Но хорошо не значит правильно. Они вырастят Майку номер два и номер три — безвольных, не подготовленных к жизненным трудностям личностей, которые при любых испытаниях закрывают глаза, падают на спину и трясут лапками.

— А я думал, ты любишь свою подругу.

— Безумно люблю. Что не отрицает объективного взгляда на недостатки ее характера.

— Кстати, о воспитании характера. Ты говоришь разумно, но как только дело касается Гошки, твой разум буксует. Пойми, мальчишка должен испытывать, пробовать свою силу, в том числе и физическую, и если он дерется, то это вовсе не значит, что из него вырастет бандит. Я, например, в детстве обожал драться.

— А хвосты соседским кошкам ты скотчем связывал?

— Как это?

— Проконсультируйся у сына. Берутся две кошки, их хвосты соединяются и забинтовываются липкой лентой, отпускаются. Кошки рвутся в разные стороны, режут, мячуют истошно. Восхищенные, в кавычках, соседки выбегают, ловят своих кошек, при этом тоже вопят... Чего ты смеешься? Очень весело, когда твоего сына будут живодером звать? Не сбивай меня с темы. Мы говорили о Майке и ее детях.

— Обсуждение бессмысленно. Ситуация не изменится, потому что партнеры не способны к ее перемене. Майка безвольна, ее родители считают себя благодетелями и отгоняют от себя мысли о том, что лишают дочь нормально-го женского счастья.

— Ага. Еще говорят: она же приезжает часто.

— Далее. Собственно — все, кроме уточнения: надо ждать, время покажет.

— А пока?

— Лидочка! Хочу заметить: это типично женская манера — мусолить проблему, из которой сегодня не выбраться. Прогнозов на завтра можно сочинить десятки, и не факт, что события станут развиваться по одному из них...

В этом месте я с возмущением перебиваю мужа. И обвиняю, во-первых, в гендерном снобизме: что за штамп «типично женская манера»? Во-вторых, требую не разговаривать со мной, как с кризисным менеджером, которому предстоит спасти очередную фирму. Наш дом не офис Максима!

Но в чем я не могу обвинить мужа, так это в плохом отношении к Майке. Макс ее обожает, смотрит на нее ласково. Много лет тому назад я даже ревновала ласковость его взгляда на Майку. И успокаивала себя мыслью: «Так океанический гигант, кит-кашалот, например, улыбается мелкому пресноводному карасику».

События, о которых пойдет речь, развернулись удивительно теплой, золотой, багрянцевой осенью две тысячи седьмого года. Нет,

ошибаюсь. Ведь с Назаром я познакомилась еще летом, до отпуска.

Это были переговоры двух специалистов. Назар — руководитель отдела сети зарубежных гипермаркетов. Я хотела продвинуть продукцию своих производителей на выгодные торговые площадки. Что с успехом и сделала. В дальнейших свиданиях необходимости не было. По штатным обязанностям наши подчиненные должны обеспечивать соблюдение контрактов, заключать следующие, отслеживать исполнение, организовывать рекламные акции в гипермаркетах и прочее. Но мы с Назаром оставили эти функции за собой.

Можно было бы прибегнуть к отговоркам: так получилось, само собой сложилось. Только неправда. Заинтересованность в общении мы почувствовали с первой встречи.

Помнится, чтобы настроить партнера на благодушный лад, я рассказала анекдот про глупую покупательницу, которая искала стиральный порошок с увлажняющим эффектом. Поскольку мы, продавники и закупщики, целиком и полностью зависим от кошельков и вкусов покупателей, то обожаем анекдоты про идиотов в магазине. Назар подхватил тему и рассказал о мужике, который искал на полках зубную пасту под названием «Же». Ему объясняли, что такой марки не существует. Дядька потребовал, чтобы пришел менеджер, заведу-

ющий секцией. Все в один голос: нет такого бренда. Тогда дядька набрал по сотовому телефону номер жены:

— Люся! Объясни им, какой мы пастой зубы чистим. — И гордо передал трубку.

Оказалось, что жена утром показала ему пустой тюбик и сказала:

— Купи такую же пасту.

Вот он и требовал «Же» пасту.

Когда подписывали договор, я заметила:

— Редкая у вас фамилия — Каун.

— Откровенно говоря, мой дедушка украинец родился с фамилией Кавун, что в переводе означает арбуз. Перебравшись в столицу, дедуля решил отбросить букву «в» для благозвучности.

— А моя девичья фамилия Красная. И представляете, у нас в университетской группе был парень по фамилии Синий и девушка Белая. Нас прозвали Флажками — от российского бело-сине-красного флага. Так и говорили: первыми пойдут сдавать зачет Флажки.

— У вас хотя бы нет проблем с ударением. Меня же называют то Ка́уном, то Кау́ном. По правилам ударение ставится там, где выбрал носитель фамилии. У нас дома дебаты. Сын считает, что лучше Кау́н, а дочери хочется на английский лад Ка́ун.

— Сколько лет вашим детям?

— Десять и восемь.

— А моему Гошке скоро пять.

Мы еще некоторое время поболтали на посторонние темы. С Назаром очень приятно общаться, говорить, рассказывать, слушать его, продолжать тему, начинать новую.

Он совершенно не похож на арбуз: ни круглых щек, ни бочкообразной фигуры. Среднего роста, поджарый, с лицом на первый взгляд невыразительным, обыкновенным. Но вторым взглядом замечаешь добрые с лукавинкой глаза, правильные черты, мужественность облика. Причем его мужественность отлична от Максимовой. На моего мужа глянешь, и сразу ясно: крепость, скала, мощь, уверенность и сила, кулаки чугунные, бицепсы пудовые. Не зли — прикончит мизинцем. Заговорит Максим — и вы обнаруживаете, что гору плоти венчает голова светлая, с умом изощренным и парадоксальным.

Не сравниваю! Упаси бог! То есть невольно сравниваю. Но все положительное — в пользу мужа. Просто Максим открыт сразу и ясно. А Назар как волшебный кукольный домик, в котором при каждой встрече обнаруживается новая симпатичная комнатка.

Третью или четвертую встречу, по предложению Назара, мы провели в ресторане. Что крамольного? Пообедать и заодно производ-